

Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в Интернет-СМИ

Статья посвящена языковой рефлексии современного белорусского общества, рассмотренной сквозь призму комментариев к новостным статьям в интернете. Анализ комментариев к тематически нейтральным, но написанным по-белорусски статьям (где сам язык служит триггером) позволяет получить информацию о языковой рефлексии в ситуации двуязычия, ранее доступную лишь через опросы. В статье показывается, что несмотря на отсутствие критики белорусского языка в СМИ, языковой конфликт всё же двусторонний: в обществе существует недовольство как самим белорусским языком, так отдельными его аспектами. В частности, критике подвергается как использование русизмов, так и использование выдуманных, по мнению комментаторов, слов, якобы не существующих в белорусском языке (что в ряде случаев противоречит друг другу).

Ключевые слова: белорусский язык, языковая рефлексия, языковой конфликт, языковой пуризм, интерференция, заимствования.

1. Проблемы многоязычного общества и белорусская языковая ситуация¹

1.1. В начале своей монографии «150 языков и политика» лингвист Владимир Алпатов пишет: «В одноязычном обществе люди редко задумываются над языковыми проблемами. Ситуация, однако, резко меняется, когда человеку приходится сталкиваться с тем, что он и его собеседники говорят на разных языках»². Сосуществование двух языков в одном обществе потенциально является источником языковых конфликтов, так как коммуникативные желания и потребности носителей разных языков часто не совпадают и противостоят друг другу.

Одна из распространенных конфликтогенных ситуаций в многоязычном сообществе – ситуация, при которой группа, говорящая на некотором региональном языке, проживает на территории государства, основным языком которого является другой язык. Этот язык

оказывается более престижным, нередко его знание оказывается необходимым для полноценной учебы, работы и досуга. Подобные ситуации усугубляются в том случае, если на территории распространения регионального языка вместе с его носителями проживает и достаточное количество людей, для которых родным является основной язык государства. Такие языковые ситуации представлены практически во всех национально-территориальных образованиях России. Так, по данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г. из 22 республик в составе Российской Федерации в половине русское население составляет большинство, а из оставшихся одиннадцати в пяти русское население находится на втором месте по численности, находясь достаточно близко по количеству к титульной нации республики. И, по всей видимости, наиболее опасными с точки зрения возникновения языковых конфликтов оказываются именно подобные ситуации, когда группа с национальным языком и группа с общегосударственным языком (в случае России – с русским) количественно примерно равны и при этом территориально перемешаны (то есть нет национального распределения по месту жительства – город/сельская местность – или по занимаемой территории). При подобном соотношении населения региональный язык оказывается достаточно престижным, чтобы осознаваться как элемент национальной идентичности и гордости, что приводит к тому, что титульное население может чувствовать себя ущемленным при недостаточной с их точки зрения представленности их языка в различных сферах общественной жизни и увеличении присутствия и обязательности государственного языка. Напротив, носители государственного языка как родного возмущаются в тех случаях, когда они вынуждены в каких-либо сферах сталкиваться с языком титульной нации, например, если он требуется при приеме на работу или изучается в школе в качестве обязательного предмета.

Примерами таких конфликтных ситуаций могут служить языковые ситуации в Татарстане, Башкортостане или на востоке Украины до начала конфликта. Так, например, преподавание русского языка как неродного и татарского как родного для всех школьников Татарстана независимо от их этнической принадлежности, по мнению русскоязычной общественности, «приводит к ущемлению прав детей получать знания по родному (т. е. русскому – А.С.) языку в полном объеме»³, в связи с чем русские Татарстана требуют снизить объемы изучения татарского языка для школьников с родным русским (в 90-е гг. речь вообще шла о факультативности изучения татарского языка для русскоязычных). В свою очередь, «татарские националисты продолжают настаивать на обязательности изучения

татарского языка в равных с русским объемах <...> и в русскоязычных школах»⁴, приводя аргумент, что большинство татарских детей также обучается в русскоязычных школах, и потому уменьшение объемов татарского языка в школе приведет к ущемлению их прав, а также в связи с тем, что прочие предметы преподаются в русскоязычных школах по-русски, что, по их мнению, делает несостоятельным тезис об ущемлении прав русскоязычных детей.

Близкие языковые конфликты описываются для Республики Коми⁵, для Республики Марий Эл⁶ и для других российских регионов.

* * *

1.2. Языковая ситуация в Беларуси⁷ имеет как общие черты с ситуациями в российских регионах, так и отличные от них. Общим является, например, то, что оба конфликтующих языка, русский и белорусский, имеют одинаковый официальный статус – являются государственными (например, в Татарстане государственными являются татарский и русский языки), а также то, что стороны конфликта имеют строго противоположные взгляды на одну и ту же языковую ситуацию (например, относительно слишком большого или же слишком малого объема присутствия одного или второго языка в образовании, публичной сфере, городской среде и т. п.).

Однако у белорусской ситуации есть два принципиальных отличия. Во-первых, в Беларуси не идет речь о языковом конфликте между представителями двух национальных групп: белорусы составляют 83,7 % населения страны⁸ и, соответственно, о судьбах русского и белорусского языков спорят между собой представители одной и той же этнической группы, что, по-видимому, является достаточно редкой ситуацией (в Европе подобный языковой конфликт представлен разве что в Ирландии, где наблюдаются разногласия среди самих ирландцев с точки зрения их отношения к ирландскому языку).

Во-вторых, в отличие от ситуации в российских регионах, в Беларуси представлен близкородственный билингвизм: конфликтующие языки взаимопонятны, и это привело к появлению на поле языкового конфликта еще и ряда смешанных идиомов. Здесь также важно отметить принципиальное отличие от Украины: в Беларуси нет преимущественно белорусско- или русскоязычных регионов. Предельно кратко описать распределение идиомов на территории Беларуси можно так: жители сельской местности говорят на диалектах белорусского языка или непрестижном смешанном русско-белорусском идиоме – трасянке; жители городов – на региональном варианте русском языке (с точностью до учета континуума идиомов между, несколько огрубляя ситуацию, практически не отличимой

от московского варианта языка речи молодежи Минска и других крупных городов, белорусским региолектом русского языка в речи старшего поколения крупных городов и молодежи райцентров и трасяной старшего поколения жителей райцентров)⁹. При этом как раз крупные города и являются «местом жительства» литературного белорусского языка интеллигенции, который (в отличие от диалектной речи) и выступает в оппозиции к русскому языку.

Не вдаваясь в подробности истории взаимоотношения русского и белорусского языков, отмечу, что говорить о постепенной русификации Беларуси можно начиная с конца XVIII века, особенно сильно – начиная с 30-х гг. XX века. Послевоенная урбанизация, статус русского языка и возможности, которые предоставляло владение им, – всё это повлияло на падение престижа белорусского языка и стремление перейти на русский. В 1990 г. белорусский язык получил статус государственного, но на референдуме 1995 г. за «придание русскому языку равного статуса с белорусским» проголосовало 83,3 % пришедших.

С 1995 г. и до сих пор в Беларуси складывается довольно парадоксальная ситуация: «государство с одной стороны вытесняет белорусский язык (заявления президента, преследования националистов, снижение числа школ, неиспользование его в администрации), а с другой поддерживает (финансирует образование, культуру, гостелевидение и так далее)»¹⁰. В связи с этим крайне интересным кажется поиск ответа на вопрос, как к подобной языковой политике относятся обычные люди.

В белорусскоязычных (зачастую оппозиционных) СМИ нередко появляются тексты в поддержку белорусского языка, в которых говорится о притеснении прав белорусскоязычных граждан, публикуются обращения возмущенных читателей и т. п. В случае наступления на белорусский язык (например, издания на русском языке чего-либо, что ранее печаталось по-белорусски) посетители белорусскоязычных ресурсов оперативно организуют отправку писем или звонки с выражением своего недовольства, что часто приводит к отмене решения. Это явление, однако, совершенно ассиметрично: автору настоящей статьи ни разу не приходилось встречать в государственных или достаточно широко распространенных негосударственных СМИ (исключая издания русско-националистического толка) публикации о слишком большой доле белорусского языка в какой-либо сфере, о насаждении белорусского языка и т. п. Связано ли это с возможным негласным запретом писать негативно о белорусском языке? Или же это значит, что конфликт исключительно односторонний: недовольны только белорусскоязычные, а русскоязычные – нет?

зычных всё устраивает? Или, возможно, русскоязычные СМИ просто пассивны по отношению к языковому вопросу?

Любой житель Беларуси знает, что ответ на вопрос об односторонности конфликта однозначно отрицательный: негативное отношение русскоязычных граждан к белорусскому языку достаточно распространено.

В одной из работ белорусской исследовательницы Алены Ленкевич¹¹ исследуется отношение к белорусскому языку в медиакурсе на материале 472 публикаций в белорусскоязычной газете «Звязда», касающихся социолингвистических проблем. Публикации были получены методом сплошной выборки из 3013 номеров газеты, которые выходили с 2000 по 2010 гг. Одним из параметров количественного контент-анализа было «отношение к белорусскому языку в обществе», где единицами анализа считались позитивные и негативные высказывания, не принадлежащие автору материала, но только цитируемые им. «В проанализированных материалах было выявлено 213 позитивных и 140 негативных мнений <...>. Это соотношение не обязательно отображает реальное отношение к белорусскому языку в обществе, перечисляя примеры позитивного отношения, авторы тем самым свидетельствуют, что фоном для их выделения являются индифферентные или негативные мнения»¹² (перевод цитат из научных публикаций здесь и далее мой – А.С.). При этом самими авторами публикаций не было высказано ни одного негативного мнения по отношению к белорусскому языку, что естественным образом вытекает из специфики газеты. Полученные А. Ленкевич данные подтверждают то, что конфликт не односторонний: недовольство русскоязычных белорусским языком также существует. Это важный вывод, уточняющий те данные, которые раньше лингвисты обычно получали методом опроса: известно, что при прямом опросе часть информантов сообщает искажённую информацию, пытаясь дать «социально одобряемые» ответы.

2. Комментарии к статьям в интернете и белорусская языковая рефлексия

В последнее десятилетие у социолингвистов в дополнение к традиционным способам получения сведений об отношении к языкам в обществе добавился еще один: речь идет об анализе коммуникации в интернете. Этот источник информации позволяет нам получить в достаточной степени объективные результаты, так как в отличие от

ситуации опроса, где по разным причинам респондент может стесняться выражать свое реальное отношение к исследуемому вопросу, в интернет-дискуссиях в нормальной ситуации комментаторы выражают свое истинное мнение. При анализе подобного материала, однако, следует помнить, что, как кажется, люди значительно чаще оставляют комментарии либо в том случае, когда они *поддерживают* именно негативное мнение, высказанное автором обсуждаемой статьи или другим комментатором (то есть они не согласны с некоторым текущим положением дел и присоединяются к критике), либо же, напротив, когда они *не согласны* с автором или кем-либо из предыдущих комментаторов и желают поспорить. Как следствие, в нормальной ситуации количество позитивных комментариев к не критикующим статьям оказывается существенно меньшим, чем количество негативных, что, на мой взгляд, делает не вполне корректным количественный анализ комментариев в чистом виде. Поэтому в этой статье, целью которой является попытка описать некоторые проявления языковой рефлексии современного белорусского сообщества, используя в качестве материала комментарии к новостным статьям в интернете, я буду ориентироваться в первую очередь на качественный, а не количественный анализ.

Настоящая статья не является первой, которая использует подобный материал для анализа отношения к белорусскому языку и белорусской языковой ситуации. В 2012 г. была опубликована статья Нины Мечковской «Народная лингвистика в белорусском интернете: метаязыковая рефлексия и языковое самоопределение»¹³, представляющая собой письменное изложение одноименного доклада, сделанного в мае 2010 г. на V Международном конгрессе белорусистов в Минске. В этой работе анализируется около 600 комментариев к опубликованной на новостном портале TUT.by статье К. Лашкевича «Беларусь на пути белорусизации», причём автор пользуется методикой как дискурс-, так и контент-анализа, классифицируя комментарии по тематике и приводя результаты разного рода подсчётов. Так, Н. Мечковская обнаруживает, что первое место по количеству занимают комментарии, посвященные собственно языку («выбор языка, оценки и характеристики языка, указания на языковые ошибки или погрешности, замечания, упреки и т. д.»¹⁴), а комментарии, посвященные самой статье и высказанным в ней идеям и оценивающие их положительно или отрицательно, занимают лишь седьмое и восьмое места соответственно. Также автор сравнивает понимание языка и языковой ситуации в народной и профессиональной лингвистике и описывает прототипические проявления метаязыковой рефлексии непрофессионалов путем выделения наиболее полярных точек зрения.

Второй работой на аналогичную тему является опубликованная в 2013 г. статья уже упоминавшейся выше Алены Ленкевич «Отношение к белорусскому языку в интернет-коммуникации (на материале дискурс-анализа комментариев на интернет-форумах)»¹⁵. Здесь в качестве материала для анализа автор использует десять дискуссий на социолингвистические темы (обсуждения на форумах и комментарии к новостным статьям о белорусском языке на TUT.by). В отличие от статьи Н. Мечковской, здесь применяется только качественный анализ, однако комментарии не классифицируются по «глобальным» темам, а, скорее, анализируются только с точки зрения того, что они могут сказать об отношении к белорусскому языку и текущей языковой ситуации, о происхождении этого отношения, а также о понимании сущности билингвизма. Автор отмечает, что отношение к языку зависит от множества факторов (и перечисляет их) и «является достаточно стабильным компонентом психической составляющей личности»¹⁶.

Настоящая статья отличается от работ предшественников тем, что для анализа берутся комментарии не только к статьям на социолингвистическую тематику, которые достаточно подробно исследованы в описанных выше работах, но и к статьям на не связанные с языком темы, где триггером метаязыковой рефлексии в комментариях является тот факт, что эти статьи написаны по-белорусски, но размещены на преимущественно русскоязычном ресурсе.

* * *

Как и в работах Н. Мечковской и А. Ленкевич, в настоящей статье для анализа были взяты комментарии к статьям новостного портала TUT.by. Этот сайт наиболее подходит для поставленных целей: он не имеет ярко выраженный политической направленности (среди представителей оппозиции достаточно велико число сторонников белорусского языка, что исказило бы результаты анализа), ориентирован на широкий круг читателей (и является наиболее посещаемым сайтом в доменной зоне .by, исключая белорусскую версию Яндексa yandex.by¹⁷) и публикует как свои материалы, так и перепечатки с других ресурсов на обоих языках, являясь при этом преимущественно русскоязычным: так, например, из 1513 статей в рубрике «Общество», опубликованных в январе–марте 2014 г., лишь 36 были на белорусском языке, при этом почти все они так или иначе были связаны с белорусской культурой. Такое соотношение языков иногда приводит к тому, что белорусскоязычные статьи становятся триггерами метаязыковых дискуссий.

2.1. Комментарии к статьям на социолингвистическую тематику

Сперва кратко рассмотрим содержание комментариев к статьям, затрагивающим языковой вопрос. Как уже было показано в упомянутых выше работах, очевидно, что социолингвистическая тематика достаточно сильно интересует читателей портала. Тексты, посвященные белорусскому языку или людям, на нем говорящим (в том случае, если это является основной характеристикой описываемых в статье людей), собирают значительное количество комментариев. Так, под опубликованной 5 декабря 2013 г. короткой новостной заметкой «Минчанка не смогла купить клей-карандаш в киоске „Белсоюзпечатать“, так как продавец не поняла белорусский язык»¹⁸ на 23.04.2015 было оставлено 1752 комментария при среднем количестве комментариев в остальных 539 статьях рубрики «Общество» за тот же месяц, равном 103.

Тематика дискуссий в комментариях к подобным статьям с глобальной точки зрения достаточно однообразна. Ярким примером служит опубликованная 22 февраля 2010 г. онлайн-конференция с директором Института языка и литературы Национальной академии наук Беларуси Александром Лукашанцем¹⁹: большая часть комментариев к ответам А. Лукашанца относится либо к теме, которую можно условно описать как «Белорусского языка слишком *мало*», либо к теме «Белорусского языка слишком *много*» (ср. с описанной выше ситуацией в Татарстане). Этими двумя макротемами можно описать достаточно большую часть комментариев к различным новостным статьям о белорусском языке: вопросы о том, должны ли объявления в метро, надписи на проездных билетах, преподавание истории и географии Беларуси и т. п. быть на белорусском языке, часто обсуждаются именно с апелляцией к одному из двух этих тезисов. Следует также отметить, что соотношение количества комментариев с противоположными точками зрения резко отличается от ситуации в стандартном дискурсе в СМИ, где, как уже упоминалось выше, встречаются исключительно тексты о недостаточном присутствии белорусского языка в публичном пространстве Беларуси, но не о его чрезмерном количестве.

В статье А. Ленкевич упоминаются самые распространенные «языковые мифы» (по П. Гарретту²⁰) вокруг белорусского языка: «белорусский язык непригоден для науки; нет „чистого“ белорусского языка; белорусский язык мертвый / несовременный / искусственный / бедный / диалект русского»²¹. Проведенный мной анализ подтверждает выделение этих мифов как наиболее значимых; к этому списку я бы также добавил миф о том, что проблема с белорусским языком

надуманная / слишком муссируемая. По мнению людей, поддерживающих его, с белорусским языком всё в порядке, те, кому он нужен, не имеют проблем с его использованием, но языковые активисты слишком много и часто говорят об угнетении белорусского языка, тем самым вызывая его отторжение у остальных жителей Беларуси.²²

(1) Достали уже своей мовай, на какой хочю-на такой говорю и разные деятели от мовы уже в печенках сидят!²³

Перечисленные выше мифы во многих случаях оказываются взаимосвязаны и, по сути, дробятся на пересекающиеся подтемы. Так, к мифу «белорусский язык – мертвый язык» можно отнести следующие идеи: на улицах невозможно услышать белорусскую речь, никто не понимает по-белорусски, пора перестать пытаться его оживить, белорусский язык не отражает современные реалии и т. п. – что, безусловно, связано с мифами о белорусском языке и как о бедном, и как о несовременном, и как о неполнофункциональном. Ср. следующее высказывание, отражающее некоторые из этих идей:

(2) какая разница на каком языке говорить. многие говорят на белорусском, чтобы человек ничего не понял, о чем речь. белорусский язык - это язык мертвый, это надо признать. насилие над языком - нет нормального перевода на современный язык, перевертыши какие-то получаются. лучше говорить по-русски, так тебя быстрее и охотнее поймут.²⁴

Особо интересны комментарии о белорусском языке как искусственном, в которых белорусский язык описывается либо как искусственно созданный националистами в начале XX в., либо как сознательно отдаляемый от русского в наше время (в отдельных случаях как «исковерканный русский»):

(3) <...> А по делу - белорус в деревне на мове не говорил. В Деревне трасянка, причём в каждой деревне своя. Жителю деревни выучить литературную белмову намного сложнее чем выучить литературный русский, потому что она искусственная и нашпигована полонизмами.²⁵

Этот миф связан в том числе с наличием двух стандартов у современного литературного белорусского языка и особенно характерен для комментариев к лингвистическим статьям, написанным на белорусском языке, поэтому будет подробнее рассмотрен ниже в соответствующем разделе.

В статьях, посвященных не самому языку, а белорусскоязычным людям (в первую очередь, если темой статьи является скандал, связанный с использованием белорусского языка; ср. упомянутую выше заметку о клее-карандаше), на первый план также выходит тема необоснованной, по мнению комментаторов, принципиальности бе-

лорусскоязычных, не желающих использовать более понятный язык (т. е. русский) для улучшения коммуникации и использующих белорусский язык для провокаций или собственного пиара (ср. также пример (2), где идет речь о людях, использующих белорусский язык, чтобы оставаться непонятыми):

(4) Если бы ее не поняли ни на одном из государственных языков – тогда и поднимала бы шум. А так... Просто наглая интриганка, желающая засветиться.²⁶

Отдельного внимания заслуживает тот факт (отмеченный в том числе и в работе А. Ленкевич²⁷), что сторонники белорусского языка нередко выступают в его защиту на русском языке, что в большинстве случаев связано не с желанием быть более понятными для оппонентов, а с банальными затруднениями при продуцировании белорусской речи:

(5) <...> мне не важно на каком читать, на родном или на русском. Писать конечно я не силен в белорусской мове, а вот с чтением проблем нет.²⁸

Особо отметим, что в подобных дискуссиях термин *родной язык* используется практически исключительно в значении *язык этноса*, т. е. как синоним белорусского языка, а не как *основной язык носителя*. В последнем значении этот термин лишь иногда используется противниками белорусского языка:

(6) Все мои предки – славяне, деды и прадеды, в основном, из Витебской области. И никто из них не употреблял мову!!!! Кто-то из них говорил на простом народном языке, но не на мове! И штамп «матчына мова» вызывает у меня отвращение из-за его лживости. Моя Родина- Беларусь, **мой родной язык – Русский!**²⁹ (выделение мое – А.С.)

Это явление – русскоязычные комментарии в защиту белорусского языка – приводит к воспроизведению время от времени следующего сценария: один из комментаторов возмущается нынешним положением белорусского языка, используя для написания своего комментария русский язык, что воспринимается другими участниками дискуссии как повод укорить первого комментатора:

(7) ХХ: Абсолютно не согласен с сим учёным мужем! Беларуская мова загнана за последние 20 лет почти в резервацию! Беларусы **ЛИШЕНЫ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧАТЬ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА БЕЛАРУСКОЙ МОВЕ**. И ещё, уважаемый учёный! А сколько беларускамоуных школ открылось за последние 20 лет? А? <...>

УУ: А чего на русском то? Начните с себя. <...>³⁰

(8) ХХ: Что они хотят? Приехали, будьте любезны уважать наш язык и культуру, не нравится - никто не держит!!!! И вообще давно пора ввести только белорусский, а русский пусть будет иностранным.

УУ: А что ж ты по русски пишешь, с себя начни, прежде чем другим указывать.³¹

Таким образом, в комментариях к статьям, посвященным языковым проблемам, ожидаемым образом разворачиваются социолингвистические дискуссии, и соотношение позиций в комментариях (примерно равное³² присутствие как сторонников белорусского языка, так и его противников; как людей, полагающих, что белорусский язык слишком мало представлен в обществе, так и людей с противоположной точкой зрения) не совпадает с аналогичным соотношением, представленным в публицистике (где языковой конфликт освещен однобоко – только с точки зрения дискриминации белорусского языка и его носителей). При этом, что особо важно, многие комментарии защитников белорусского языка написаны по-русски (из чего следует неверность импликации «любить белорусский язык – говорить на белорусском языке»), что, однако, иногда вызывает негодование других пользователей.

2.2. Комментарии к белорусскоязычным статьям на неязыковую тематику

2.2.1. Общее недовольство белорусским языком

Всё вышеописанное, в общем-то, было достаточно естественно ожидать от комментариев к статьям на социолингвистическую тематику. Но, как указывалось выше, языковой вопрос обсуждается не только в комментариях к подобным статьям. Интересным образом статьи, по содержанию никак не связанные с языковыми проблемами, но написанные на белорусском языке и размещенные на преимущественно русскоязычном новостном портале, сами по себе становятся триггером для начала социолингвистических дискуссий в комментариях. Комментарии к такого рода статьям ранее не становились предметом анализа в научных публикациях.

Ярким примером служит, например, следующие комментарии к новости о разбойном нападении на водителя (приводится начало обсуждения)³³:

(9) АА: Пишите статьи на русском, пожалуйста!!! Невозможно же читать!

ВВ: СОГЛАСНА!

СС: Учите родную мову, будет читать легче!!!

DD: Стыдно не знать языка своей страны.

Следующие шесть комментариев также посвящены укорам в адрес АА и ВВ или обсуждению собственно языковых вопросов, и лишь 11-й комментарий относится непосредственно к содержа-

нию статьи. Всего же из 94 комментариев к материалу 79 так или иначе посвящены языку (правда, в части из них обсуждается и тема статьи), причем значительная часть комментариев в защиту белорусского языка написана по-русски. Следует также отметить, что все комментарии, в которых высказывается негативное отношение к белорусскому языку, получают крайне низкую оценку (на форумах портала TUT.by у пользователей есть возможность поднимать или опускать на один балл оценку любому комментарию). При этом, однако, в дискуссию вступают и люди, солидарные с автором первого комментария:

(10) ЕЕ: 1 статья на бел и 19 на рус. Какой в этом смысл?

FF: Учи сам эту исковерканную «мову», даже слова не подобрать к тем кто так коверкает наш язык!³⁴

Подобная ситуация в комментариях к белорусскоязычным статьям на неязыковую тематику встречается если и не постоянно, то, по крайней мере, не настолько редко, чтобы считать описанный выше пример уникальным. Ср. аналогичные высказывания из комментариев к трем другим материалам (во всех трех случаях у комментариев отрицательный рейтинг):

(11) Даже читать не хочется на белорусском языке!³⁵

(12) Статья интересная, только на русском языке напишите. Понимаю что гугл есть, но не читать корявый перевод это не то.³⁶

(13) я за белорусский язык и текста на бел.яз... но было бы круто, если сделали кнопку, на которую нажимаешь – и тебе открывается грамотный перевод на рус. яз © заранее спасибо ©³⁷

Благодарность за использование журналистами белорусского языка, выраженная словесно и не написанная в ответ на другую реплику, встречается крайне редко; в большинстве случаев свою позицию читатели выражают «минусованием» комментариев, с которыми они не согласны, или вступлением в перепалку с автором ругательного комментария. Ср. редкий пример-исключение:

(14) Як прыемна чытаць навіну на мове!³⁸ (Как приятно читать новость на мове – А. С.)

Это подтверждает (хотя и без доказательства точными цифрами) высказанный выше тезис о том, что негативных отзывов в интернете больше, чем позитивных (с поправкой на то, что в данном случае речь не идет о комментариях-ответах, где наблюдается противоположная ситуация: один негативный комментарий по отношению к белорусскому языку обычно влечет за собой появление нескольких комментариев в защиту языка).

2.2.2. Недовольство отдельными аспектами белорусского языка

Особую группу составляют комментарии, авторы которых не возражают против белорусского языка в целом, однако их раздражение вызывают некоторые аспекты его существования.

Среди причин раздражения негативно настроенных комментаторов особо выделяются два фактора: во-первых, слишком русифицированный язык статей, а во-вторых, использование слов, неизвестных комментаторам (как видно, эти две претензии забавным образом противоположны друг другу).

Недовольство русифицированностью белорусского языка – распространенное явление среди людей, использующих белорусский язык в повседневной жизни. Оно не беспочвенно: у этого недовольства есть исторические причины. В 30-е гг. XX в. действительно велась языковая политика, направленная на приближение белорусского языка к русскому (орфографическая реформа 1933 г., затрагивающая в том числе и грамматику, переписывание переводных словарей и т. п.), см., например, работу Станислава Станкевича³⁹. Как следствие этого процесса в современном белорусском языке есть два литературных стандарта (подробнее ниже), один из которых – официальный – существенно ближе к русскому, чем второй.

Рассмотрим типичный комментарий борца с русифицированностью. Написав в статье о смерти белорусского поэта Рыгора Бородулина комментарий

(15) Трасянка руліць!⁴⁰,

человек получает много минусов, после чего поясняет свой комментарий:

(16) Это высказывание, которое никоим образом не касается Великого Человека, было сказано, про язык, на котором написана статья. А минусуют видимо знатоки мовы. Про Великого Белорусского можно было написать не на «як чуюм так и пишам»⁴¹

Как видно, комментатор обвиняет авторов статьи (а также и участников форума, «минусующих» его первое высказывание) в плохом владении белорусским языком: в первом комментарии он сравнивает язык статьи с трасянкой (намекая на его русифицированность), а последнее его высказывание, которое переводится как «как слышим, так и пишем» и является распространенной характеристикой белорусской орфографии, в восприятии комментатора от уровня орфографии переходит на сам язык, метафорически обозначая его упрощенность и элементарность в негативном смысле. При этом комментатор ни словом не поясняет свое мнение, представляя его как по умолчанию объективное.

В других случаях комментаторы прямо указывают, какими словами они недовольны. Иногда, однако, авторы статей получают обвинения в незнании белорусского языка и в использовании русских слов, пересчитанных по правилам белорусской фонетики, даже в тех случаях, когда возмущающие комментатора лексемы приводятся официальными словарями как единственный или первый в синонимическом ряду переводной эквивалент для русских слов. Ср, например, следующий комментарий к статье «П'яны вадзіцель хацеў незаконна перасекчы беларуска-літоўскую граніцу»:

(17) Граніца... Вадзіцель... А пагранічнікі напэўна былі ўзброены ружжом, не?⁴²

Комментатор имеет в виду, что вместо слова *граніца* следовало употребить исконно белорусское *мяжа*, вместо *вадзіцель* – заимствованное из польского *кіроўца*, иронично предполагая, что и пограничники были вооружены *ружжом* (а не *стрэльбай*). Однако в самом авторитетном русско-белорусском словаре под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки, отражающем официальную норму, *вадзіцель* является единственно возможным переводом, *граніца* переводится как «*граніца, мяжа*», и только для *ружся* перевод *ружжо* дается на втором месте после *стрэльбы*, также являясь допустимым. Основная проблема же в том, что случаи типа конкуренции русизма *вадзіцель* и полонизма *кіроўца* не имеют решения при одновременном пуристическом стремлении пишущего избегать русизмов и необходимости пользоваться официальной нормой.

Часто, впрочем, критика в комментариях направлена не на слова, употребленные в самих статьях, а на русизмы, встреченные комментаторами в реальной жизни (отмечу, что ниже приводятся комментарии к русскоязычным статьям, в которых в принципе невозможна критика белорусского языка автора):

(18) <...> неплохо бы под ту же кампанию наконец дверные таблички «К САБЕ» в НацБиблиотеке поменять «ДА СЯБЕ»...⁴³

(19) Ну дак всё закономерно «Пераход да ПАЯЗДОУ маскоўскай лініі» в действии. Кто такие «ПАЯЗДЫ» и почему не цягнікі?⁴⁴

* * *

Однако возмущения описанного выше типа не очень интересны. Во-первых, они не новы (проблема русифицированности белорусского языка обсуждается в публицистике уже более века), а во-вторых, в целом не лишены оснований (хотя вполне могут быть безосновательны применительно к конкретной статье портала, под которой оставлен комментарий): русско-белорусская интерференция действительно наблюдается в языке СМИ, и эта проблема описывает-

ся не только в комментариях в сети и публицистических текстах, но и исследуется в научных работах, ср., например, диссертацию А.И. Малько⁴⁵ и ряд других работ.

Более интересен второй тип негативных комментариев, в которых осуждаются неизвестные автору записи слова. Сталкиваясь с такими случаями, комментаторы объясняют их либо неграмотностью или словотворчеством журналиста, либо сознательным ухудшением языка профессиональными лингвистами. Такие комментарии являются частным проявлением общего стереотипа об «искусственности» белорусского языка, о котором шла речь выше, а в целом являются элементом более широкого мифа о вредительской деятельности профессиональных лингвистов, распространенного, в том числе, и в России⁴⁶.

В нынешней белорусской языковой ситуации лексикографический конфликт усугубляется и сосуществованием двух стандартов литературного белорусского языка – официального и (нео)классического варианта (тарашкевицы), что кратко упоминалось выше. Эту точку зрения разделяют, однако, не все белорусисты, придерживаясь мнения, что значимые различия между вариантами имеются лишь в орфографии, тогда как все остальные различия слишком незначительны, чтобы можно было говорить о двух нормах. Тем не менее есть и лингвисты, согласные с тезисом о плюрализме нормы современного белорусского языка. Так, например, С.А. Важник отмечает, что языковая ситуация в Беларуси характеризуется «наличием двух вариантов СБЛЯ: официального (кодифицированного) и инновационного (альтернативного)»⁴⁷, при этом автор выносит в отдельный пункт «сосуществование и даже конкуренцию двух орфографических систем: „тарашкевицы“ и „наркомовки“», что говорит о том, что лингвист видит различие между нормами не исключительно в различии орфографий. Директор Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси профессор А.А. Лукашанец, говоря о том, что следует относить к белорусской речи, среди «чистых типов речи (в границах одной языковой системы или подсистемы)» выделяет в том числе «общелитературный язык (устную и письменную разновидность)» и «„тарашкевицу“ (устную (!) и письменную разновидность)»⁴⁸ – что прямо свидетельствует о существовании, по мнению автора, значимых различий между нормами не только на письме. Целый ряд статей, посвященных доказательству существования двух различных норм СБЛЯ, есть у И.П. Климова, ср.: «Отличия между тарашкевическим и советским стандартом охватывают почти все языковые уровни за вычетом фонологического»⁴⁹ (см. также библиографию в сноске 1 цитируемой статьи) или «Эти [перечисленные выше в цитируемой статье – А.С.]

различия еще не настолько существенны, чтобы говорить про существование двух литературных языков, но достаточно системы и регулярны, чтобы говорить о двух стандартах одного литературного языка»⁵⁰.

Более того, на мой взгляд, можно говорить не просто о сосуществовании двух норм, но и об их диффузности: если на каждом конкретном уровне языка любой текст можно более или менее однозначно атрибутировать с точки зрения принадлежности к одному из двух стандартов (для обеих норм можно перечислить характерные только для одной из них принципы передачи заимствований, окончания некоторых морфологических форм, конкретные лексемы и т. п. – и, соответственно, отнести конкретный текст по каждому уровню к одному из стандартов), то по совокупности особенностей на всех уровнях языка (в первую очередь, на уровне лексики) два литературных стандарта белорусского языка скорее представляют собой континуум. Речь идет о том, что тексты, совмещающие черты одновременно обоих стандартов, нередки: так, например, можно легко найти тексты, написанные наркомовкой (т. е. по официальным правилам орфографии), но при этом использующие характерные для классического стандарта лексемы, принципы передачи заимствований и морфологию; или же тексты, банально использующие большее или меньшее количество лексем, характерных для того или иного стандарта, не отдавая предпочтение только какому-то одному из них. Такой плюрализм норм и возможность их совмещения в пределах одного текста приводит к конфликтам в комментариях и за их пределами: так, например, по мнению некоторых комментаторов, выбор организаторами Минского фестиваля языков варианта перевода слова *языков* согласно официальной норме (т. е. *моў*, а не *моваў*) автоматически свидетельствует об их языковой некомпетентности и даже, как следствие, о низком качестве всего мероприятия, ср.:

(20) Моў ці моваў? Я ў разгубе!)))

<...>

Не ў тарашкевіцы справа, а ў лінгвістычнай логіцы. Таму, на жаль, не далучуся да прыхільнікаў праекту, бо ад пачатку не адчуваю кампетэнтнасці.⁵¹

[*Моў или моваў? Я в растерянности!*)]]

<...>

Не в тарашкевице дело, а в лингвистической логике. Поэтому, к сожалению, не присоединюсь к сторонникам проекта, так как изначально не чувствую компетентности – А.С.]

При этом можно с большой степенью уверенности предположить, что при выборе организаторами варианта *моваў* количество возмущенных комментаторов, требующих варианта *моў* как един-

ственно нормативного, было бы не меньшим. Ср. строго противоположное возмущение той же флексией из комментариев к новостной статье:

- (21) «Праграмы Клуба адаптаваныя да патрэбаў».
 а чаму не «да патрэб»?⁵²
 [«Программы Клуба адаптированы к потребностям»
 а почему не «да патрэб»? – А.С.]

* * *

На лексический конфликт в не меньшей степени влияет и тот факт, что в отличие от русского языка литературный белорусский не употребляется в достаточной степени широко, чтобы процессы закрепления лексики шли в полной мере естественным путем. Это приводит к появлению достаточно редкого для русской языковой ситуации вопроса «существует ли в белорусском языке слово Х?» (ср., например, цитату (17) о словах *граніца*, *вадзіцель* и *ружжэ*, косвенно относящуюся к этой же теме). И действительно, если для носителя русского языка ситуация, когда в тексте стандартной статьи в СМИ встречается незнакомое слово, является, пожалуй, исключительной, то для белорусского читателя это не столь редкое явление. И если для кого-то это повод проверить свои знания по словарю, кто-то другой автоматически приходит к выводу о несуществовании этого слова в белорусском языке:

(22) «Маладзёнаў» - это конечно перл. Очередной результат по улучшению мовы отделом мовознаўства Академии наук. Не иначе полугодовой план выполнили. Можно и премию требовать.⁵³

(23) Торкнуло ему написать «маладзён» - вот и написал! У нас теперь каждый сам себе лингвист. Всё можно списать на то, что ты, мол нифига в белмове не смыслишь, а я -- понимаю! Бред, одним словом! И так у родной мовы было мало сторонников, а благодаря «маладзёнам» еще меньше станет. P.S. Я вообще думал, что это молодожен...⁵⁴

Примеры (22) и (23) взяты из комментариев к разным статьям. Но если пример (22) иллюстрирует один из основных стереотипов – намеренное обновление языка лингвистами, то в примере (23) представлен взгляд комментатора на восприятие языкового пуризма «обычными» людьми – в некотором смысле отражающий реальную ситуацию. В последние двадцать пять лет языковой пуризм и народное словотворчество является реакцией на русифицированность белорусского языка официальных изданий как советского периода, так и современных: ср., например, мнение С.А. Важника, который пишет (правда, применительно к языку интернета) о «довольно мощной тенденции к игнорированию / разрушению (либерализации) официальных норм и к частичной их замене инновационными

вариантами, имеющими контрастивный характер по отношению к русскому языку и официальному варианту СБЛЯ»⁵⁵. В попытках дистанцировать белорусский язык от более сильного русского, некоторые авторы текстов нередко прибегали и прибегают к использованию устаревшей или диалектной лексики, а также неологизмов, образованных от исконных корней, следуя принципу «чем меньше похоже на русский, тем более по-белорусски». Как следствие таких процессов, в представлении людей, не использующих белорусский язык в своей жизни, не только явные проявления языкового пуризма, но и некоторые особенности, действительно присущие даже официальному стандарту белорусского языка, упрощаются до восприятия любых неизвестных комментатору слов как выдуманных лингвистами или автором текста – в том числе и с целью «элитаризации» белорусского языка, превращения его в язык узкой группы.

Так, например, в случае примеров (22) и (23) комментаторы не правы. Слово *маладзён* встречается не только в словарях начала XX в., на лексический состав которых ориентируются пуристы, например, в словаре Вацлава Ластовского 1924 г. издания как перевод слова *юноша*, но и в современных академических словарях: главных русско-белорусском словаре под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки и белорусско-русском словаре под редакцией К. Крапивы (как перевод слова *юнец*). В современных текстах, правда, это слово используется в нейтральных контекстах – как аналог русского *молодой человек*, *юноша*.

Аналогичные примеры можно найти и в связи с другими словами:

(24) Уважаемый тут бай. Вы когда изобретаете новые слова типа «МАПА» – объясните пожалуйста. В каком словаре вы откопали это слово?⁵⁶

(25) Что за слово – «адлічбавалі». Это как? Меня оно так озадачило, что дальше читать не смог. Неужели – оцифровали? Совсем не звучит.⁵⁷

(26) АА: велосипедистов уже перевели в «роварысты» – Академия мовознауцаў не дремлет. Оригинально! Ждём новых тэрмінаў.

ВВ: Не паказвайце сваю неадукаванасць. Слова «раверыст» – ад слова «ровер» – «велосипед» па-руску. (Не паказывайце сваю неабразованнасць. Слово «раверыст» – от слова «ровер» – «велосипед» па-руски. – А.С.)

СС: Беларашан лэнгвідж епрст.

DD: ВВ... Вы паказалі сваю «адукаванасць» і нецярплінасць да ўсяго рускага. А чаму тыды не «раваровец» або «равароўца»? Можна яшчэ «рававод» або «ровермэн»!

Персанальна для Вас даводжу, што слова «велосипед» не рускага паходжання. [ВВ... Вы паказалі сваю «образованнасць» і нетерпи-

мость ко всему русскому. А почему тогда не «раваровец» или «равароўца»? Можно ещё «рававод» или «ровермэн». Персонально для Вас сообщаю, что слово «велосипед» не русского происхождения. – А.С.Ј⁸⁸

Приведенное в примере (24) слово *мана* ‘карта’ действительно не встречается ни в современных переводных, ни в пятитомном толковом словаре, однако присутствует в белорусско-русском словаре 1925 г. и в белорусско-русском словаре безэквивалентной лексики 1994 г., а также употреблялось в одобренных Министерством образования учебниках по истории Беларуси выпуска начала 2000-х годов. Слово *адлічбаваць* из примера (25) по понятным причинам отсутствует в старых словарях, но также и в «Словаре новых слов белорусского языка» 2009 года издания (в нем, однако, имеется слово *лічбавы* ‘цифровой’): возмущение этим словом отражает отмеченное в уже неоднократно цитированной здесь статье А. Ленкевич любопытную антиномию: «с одной стороны, белорусский язык называют несовершенным, а с другой, высказываются против освоения им новых слов, связанных, например, с компьютеризацией и информатизацией»⁵⁹. Что касается слова *ровар* и родственных ему (пример (26)), то оно отсутствует в переводных словарях, однако есть в пятитомном толковом словаре со значением «веласіпед» и пометой *обл.* и со значением «тое што і веласіпед» без помет в Литературном толковом словаре (правда, вопрос о том, как от этого корня образовать слово со значением ‘велосипедист’, толковые словари оставляют открытым).

Итак, приведенные примеры показывают, что при текущей языковой ситуации в белорусском обществе для того, чтобы в комментариях к новостной статье обсуждались социолингвистические проблемы, вовсе не обязательно, чтобы исходный материал также был посвящен социолингвистике: иногда достаточно лишь того, чтобы он был написан по-белорусски. При этом подобные комментарии можно условно разделить на два типа: те, где высказывается недовольство белорусским языком в целом (в частности, использованием его для написания новостных статей), и те, где комментаторы выражают недовольство по отношению к отдельным языковым аспектам. В свою очередь, комментарии второго типа также можно разделить на две группы: те, где объектом критики выступает реальная или мнимая русифицированность языка статей, и – более интересный случай – те, где, напротив, встречаются неизвестные комментатору слова, которые тот объясняет «вредительской» деятельностью профессиональных лингвистов, неграмотностью журналиста или же его желанием выделиться и «элитаризировать» белорусский язык, сделав его непонятным для непосвященных.

Ситуация усложняется наличием двух стандартов литературного белорусского языка и их диффузностью, из-за чего комментаторы могут возмущаться частными проявлениями (фонетическими – с точки зрения передачи заимствований, грамматическими, лексическими) использования автором текста не того стандарта, который оценивается комментатором как правильный. Наконец, дополнительную сложность в ситуацию вносит тот факт, что из-за особенностей бытования белорусского языка процесс закрепления новой лексики и исчезновения старой проходит не вполне естественно, следствием чего является актуальность вопроса «Как определить, существует ли некоторое слово в языке?», не столь частого и не столь важного в моноязычных языковых сообществах. Этот вопрос чрезвычайно интересен для лингвистов-теоретиков, но одновременно и крайне труден для лингвистов, занимающихся нормализаторской деятельностью, и весьма болезнен для рядовых носителей как белорусского, так и русского языка в Беларуси.

Схема 1.

3. Заключение

1. Анализ комментариев к новостным статьям в интернете подтверждает сделанные другими лингвистами выводы, что несмотря на то, что в СМИ языковой конфликт в современной Беларуси представлен только односторонне – как дискриминация белорусского языка и белорусскоязычных, на самом деле конфликт двусторон-

ний: существует также и люди, негативно относящиеся к белорусскому языку.

2. Статьи на социолингвистическую тематику ожидаемым образом провоцируют дискуссии в комментариях. Пишущих комментариев (в отличие от «минусующих») противников белорусского языка оказывается, по крайней мере, не меньше, чем его сторонников (что не соответствует представлению языкового конфликта в СМИ), причем многие комментарии защитников белорусского языка написаны по-русски, что вызывает порой негодование его противников.

3. Социолингвистические дискуссии в комментариях встречаются и под статьями, не касающимися языковой темы: в таком случае триггером выступает сам факт публикации белорусскоязычной статьи.

Комментарии социолингвистического содержания, оставленные под такими статьями, можно разделить на две группы: выражающие недовольство белорусским языком в целом и высказывающие недовольство по отношению к отдельным аспектам белорусского языка. Комментарии второго типа также можно разделить на две подгруппы: те, где комментаторы недовольны русифицированностью белорусского языка (в самой статье или за ее пределами), и те, где комментаторы встречают незнакомые им слова и возмущаются ими. Наивные носители могут объяснять это либо целенаправленной деятельностью лингвистов по изменению языка, либо неграмотностью журналиста, либо его желанием намеренно сделать белорусский язык менее понятным, «элитарным» (что в некоторой степени соответствует истине: некоторым носителям белорусского языка присущ языковой пуризм, имеющий целью сознательную дивергенцию русского и белорусского языков). Важно, что для комментариев из обеих подгрупп в части случаев критика оказывается необъективной: критикуемые комментаторами лексемы на самом деле допускаются словарями.

Ситуация осложняется наличием двух стандартов литературного языка и их диффузностью, в связи с чем критиковаться могут проявления того стандарта, который оценивается комментатором как неверный.

Наконец, из-за ограниченного бытования белорусского языка процессы обновления лексического состава происходят не вполне естественным путем, из-за чего возникает принципиальный конфликтногенный вопрос о существовании того или иного слова в белорусском языке, едва ли возможный в аналогичной ситуации в моноязычном обществе или при сбалансированном билингвизме.

- 1 Я хотел бы поблагодарить анонимного рецензента за объективную критику и ценные советы и указания.
- 2 *Аллатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000 гг. М.: Краф+ИВ РАН, 2000. С. 11.
- 3 *Ходжаева Е.А.* Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения // *Неприкосновенный запас*. 2011. №6 (80). С. 245–254. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/ho19.html> (дата обращения: 23.04.2015).
- 4 Там же.
- 5 *Шабав Ю.П., Шилов Н.В., Денисенко В.Н.* Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров // *Этнографическое обозрение*. 2009. №2. С. 92–105.
- 6 Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (по материалам социологического исследования 1994 г.). Йошкар-Ола: Научный центр финно-угроведения, 1995.
- 7 В русском языке употребляются два топонима для обозначения этого государства – *Белоруссия* и *Беларусь*. Не останавливаясь подробно на этом лингвополитическом споре, в настоящей статье я буду использовать вариант *Беларусь*.
- 8 Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Таблица 5.8. Население по национальности и родному языку. Республика Беларусь. URL: http://belstat.gov.by/uploads/file/GU_demogr/5.8-0.pdf (дата обращения: 23.04.2015).
- 9 *Сомин А.А.* Русский язык в Республике Беларусь // *Русский язык зарубежья*. СПб: Златоуст, 2013. С. 171–201; *Лисковец И.В.* Русский и белорусский языки в Минске: проблемы билингвизма и отношения к языку. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб: ЕУСПб, 2006.
- 10 *Коряков Ю.Б.* Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2002. С. 63.
- 11 *Лянкевіч А.У.* Стаўленне да беларускай літаратурнай мовы і змешанага маўлення ў медыя-дыскурсе (на матэрыяле публікацый у газеце «Звязда») // *Веснік БДУ*. Серыя 4, 2011, № 3. С. 34–38.
- 12 Там же. С. 35.
- 13 *Мячкоўская Н.Б.* Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнеце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне // *Новае слова ў мовазнаўстве: матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы» (20–21 мая 2010 года) / пад рэд. С.М. Запрудскага, Г.А. Цыхуна.* (Беларусік=Albaruthenica; кн. 32). Мінск, 2012. С. 260–272.
- 14 Там же. С. 262.
- 15 *Лянкевіч А.* Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікацыі (на матэрыяле дыскурсу-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах) // *Acta Albaruthenica*. Т. 13. Warszawa, 2013. S. 145–159.
- 16 Там же. С. 153.
- 17 *Дорошевич М.* Белорусская интернет-аудитория, март 2014. URL: http://www.slideshare.net/gemius_belarus/gemius-belarus-totalmarch2014 (дата обращения: 23.04.2015).
- 18 <http://news.tut.by/society/377705.html> (дата обращения: 23.04.2015).
- 19 <http://news.tut.by/society/161922.html> (дата обращения: 23.04.2015).

- 20 P. Garrett. Attitudes to language. Cambridge, 2011. P. 10–11.
- 21 *Лянкевіч А.* Указ. соч. С. 151.
- 22 В примерах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.
- 23 Комментарий к статье «Трусаў: «Вось уявіце сабе, што заўтра Лукашэнка перайшоў на беларускую мову...»», 23.06.13, 18:59. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14117645> (дата обращения: 23.04.2015).
- 24 Комментарий к той же статье, 23.06.13, 18:41.
- 25 Комментарий к статье «Какой транслит правильный?», 08.09.12, 14:02. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14081447&page=5> (дата обращения: 23.04.2015)
- 26 Комментарий к статье «Минчанка не смогла купить клей-карандаш в киоске “Белсоюзпечать”, так как продавец не поняла белорусский язык», 06.12.13, 14:14. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14138126&page=21> (дата обращения: 23.04.2015).
- 27 *Лянкевіч А.* Указ. соч. С. 150.
- 28 Комментарий к статье «Сямімесячнае дзіця выратавала ад гвалтоўнай смерці свайго бацьку-таксіста», 29.04.13, 18:39. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14110598> (дата обращения: 23.04.2015).
- 29 Комментарий к статье «Минобразования приветствует желание учителей преподавать некоторые предметы на белорусском языке», 01.02.14, 16:10. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14145069> (дата обращения: 23.04.2015).
- 30 Комментарий к статье «Лукашанец: Школы дают достаточные знания по белорусскому языку», 13.08.13, 21:59. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14124053> (дата обращения: 23.04.2015).
- 31 Пример из комментариев к статье «Для моего сына белорусский язык - иностранный» в онлайн-версии газеты «Комсомольская правда – Беларусь», 24.03.10, 18:24. URL: <http://www.kp.by/daily/24461/622845?geoid=1&cp=0#comment> (дата обращения: 23.04.2015).
- 32 Количественные данные по соотношению сторонников и противников белорусского языка (проанализированные, однако, на материале только одной, хотя и объёмной, дискуссии) представлены в вышеупомянутой статье Н.Б. Мечковской.
- 33 Комментарий к статье «Сямімесячнае дзіця выратавала ад гвалтоўнай смерці свайго бацьку-таксіста», 29.04.13, 18:39. URL: <http://auto.tut.by/news/accidents/346340.html>, 29.04.13 (дата обращения: 23.04.2015).
- 34 В данном комментарии остаётся неясным, что именно его автор подразумевает под выражением «наш язык»: русский или «неиспорченный» белорусский (о «порче» белорусского языка см. далее).
- 35 Комментарий к статье «Таямніца з «мінраваннем» мінскага метро: акрамя ўраджэнца Караганды, у справе ёсць яшчэ фігурант», 24.03.14, 09:04. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14151492> (дата обращения: 23.04.2015).
- 36 Комментарий к статье «Лідзія Ярмошына: гісторыя ўзлёту бабруйскай юрысткі», 22.03.14, 09:04. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14151342&page=2> (дата обращения: 23.04.2015).
- 37 Комментарий к статье «Раство і Каляды: як святкаваць іх правільна», 06.01.14, 13:18. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14141660> (дата обращения: 23.04.2015).

- 38 Комментарий к статье «Беларуска сыграла галоўную ролю ў фільме, які стаў лаўрэатам Канскага кінафэстывалю», 24.05.14, 13:18. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14158988> (дата обращения: 23.04.2015).
- 39 *Станкевіч С.* Русіфікацыя беларускае мовы ў БССР і супрацьў русіфікацыйнаму працэсу. – Менск: Навука і тэхніка, 1994.
- 40 Комментарий к статье «Ушачы асірацелі». Землякі - пра Рыгора Барадуліна», 06.03.14, 20:03. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14149345> (дата обращения: 23.04.2015).
- 41 Комментарий к той же статье, 07.03.14, 10:46.
- 42 Комментарий к статье «П'яны вадзіцель хацеў незаконна перасекчы беларуска-літоўскую граніцу», 09.04.08, 12:52. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=5777517> (дата обращения: 23.04.2015).
- 43 Комментарий к статье «Туристов в Беларуси смущают кислые лица, незнание английского и туалеты. Минспорта и туризма подвело итоги года», 15.03.14, 23:11. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14150363&page=6> (дата обращения: 23.04.2015).
- 44 Комментарий к статье «Еще в одном белорусском учебнике обнаружили грубые ошибки», 04.06.13, 18:08. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14115261> (дата обращения: 23.04.2015).
- 45 *Малько Г.І.* Руска-беларуская інтэрферэнцыя ў перыядычным друку Рэспублікі Беларусь (лексічны і граматычны ўзроўні). Дыс. ... канд. філал. навук. – Мінск: БДУ, 2004.
- 46 *Пахомов В., Свинцов В.* Четыре мифа о русском языке: как перестать волноваться о судьбе родной речи // Теории и практики. 2014, 7 августа. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/9329-yazyk> (дата обращения: 23.04.2015).
- 47 *Важнік С.А.* Тры стыхіі Байнэта, або Праява нацыянальнай моўнай самаідэнтыфікацыі. Серыя: “Лекцыі па Інтэрнэт-лінгвістыцы”. Вып. 1 / Мінск, 2007. С. 6.
- 48 *Лукашанец А.А.* Беларуская нацыянальная мова на сучасным этапе: сістэма, статус, функцыянаванне // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2009. – №1. С. 111.
- 49 *Клімаў І.П.* Лінгвістычная апазіцыя двух стандартаў беларускай літаратурнай мовы // Роднае слова. 2004. № 7. С. 14.
- 50 *Клімаў І.П.* Да асэнсавання нарматыўнага плюралізму ў беларускай літаратурнай мове // Беларуская арфаграфія: здабыткі і перспектывы: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 90-годдзю БДУ (Мінск, 20–21 кастр. 2001 г.). Пад агул. рэд. М.Р. Прыгодзіча. Мінск, 2012. С. 18.
- 51 https://www.facebook.com/natalia.vlasova.90/posts/676436112403004?comment_id=6376657&offset=0&total_comments=21&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R9%22%7D.
- 52 Комментарий к статье «Мова TUT. У гасцях фотамастак Юры Маціўн, рэжысёр Андрэй Куціла і Naka Piano», 22.04.15, 15:19. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14232563> (дата обращения: 23.04.2015).
- 53 Комментарий к статье «Сямімесячнае дзіця выраставала ад гвалтоўнай смерці свайго бацьку-таксіста», 29.04.13, 18:58. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14110598> (дата обращения: 23.04.2015).

- ⁵⁴ Коментарый к статье «У Маладзечне маладзён пабіў міліцыянера, але забыўся пра гэта», 15.07.13, 16:00. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14110598> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁵ *Важнік С.А.* Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁶ Коментарый к статье Яшчэ савецкія, але ўжо свабодныя. Як пратэставалі беларусы 25 гадоў таму. Мігыннг на стадыёне «Дынама», 12.03.14, 12:45. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14149941&page=2> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁷ Коментарый к статье «Адрыў»: людзі на роварах і пешшу, з мапамі ды ліхтарамі захапілі вуліцы Мінска», 14.08.13, 09:55. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14124060> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁸ Коментарый к статье «Фотафакт: раварыстам зноў дазволілі ездзіць па Брэсцкай крэпасці», 07.09.13, 19:50 и далее. URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14127075> (дата обращения: 23.04.2015).
- ⁵⁹ *Лянкевіч А.* Указ. соч. С. 151–152.